

М.И. ЧЕРЕМИСИНА

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ

Задача системного описания простого предложения актуальна не только для языков Сибири. Такого описания нет пока и для русского языка. Хотя знаковая природа предложения как единицы синтаксического уровня языка была осознана уже в середине века (А.И. Смирницкий, Т.П. Ломтев, Н.Ю. Шведова и др.) и вряд ли сейчас может вызвать сомнения у лингвистов, опыты в этом направлении остаются незавершенными, а само представление о предложении как единице синтаксиса недостаточно четким, чтобы стать объектом целенаправленного типологически ориентированного эмпирического исследования.

Между тем потребность в синтаксическом описании языков Сибири, отвечающем современному уровню науки, назрела давно и в современной социальной ситуации, когда статус многих языков существенно изменился, становится все более острой. Поэтому важно развивать исследования в таком направлении и разрабатывать такую методику, которые позволили бы объединить усилия специалистов в области разных языков и создавать описания, представляющие интерес и имеющие конкретный смысл для всей многоязычной Сибири. Под этим углом зрения простое предложение, центральная единица синтаксиса и языка в целом, должно быть осмыслено в первую очередь.

Свою задачу мы видим в разработке такого метаязыка и таких исследовательских приемов, методик и процедур, которые были бы ориентированы на разные языки Сибирского ареала и позволили бы осмысливать факты разносистемных языков в рамках единой теоретической концепции, в единой системе понятий и терминов. Только при этом условии становится возможным продуктивное сопоставление результатов, полученных разными исследователями на материале разных языков, родственных и неродственных, близких и далеких по общему типу.

В решении этой задачи мы опираемся на опыт, накопленный коллективом в ходе исследований сложного предложения. Эффективность такого подхода была проверена и подтверждена полученными результа-

тами, нашедшими отражение в серии коллективных монографий и сборниках научных статей [8, 9, 10, 15, 17, 18, 20, 24, 26, 27, 28].

Описание простого предложения строилось с опорой на общие представления о моделях сложного предложения. В процессе работы с эмпирическим материалом, его осмысления и классификации эти представления сформировались как понятийные отображения двусторонних знаковых объектов. План выражения сложного, точнее — полипредикативного предложения мы фиксировали структурными формулами, отражающими прежде всего ключевую для сложного предложения позицию связующего средства. Тем самым фиксировались и существенные признаки самой зависимой части, возглавляемой данной скрепой. Как известно, в алтайских языках, а также и в других языках Сибирского ареала, для связи частей полипредикативного предложения используются те же средства, которыми соединяются и члены простого предложения, а это значит, что в качестве скреп выступают прежде всего морфологические показатели.

Формальные характеристики в описании тесно увязывались с семантическими, т.е. с обобщающим описанием тех содержательных отношений между пропозициями, того специфического синтаксического смысла, для выражения которого существует данная конструкция.

Обобщение полученных результатов позволило, во-первых, дать полное описание всех основных, базовых структурных типов сложного предложения в алтайских языках Сибири — тюркских (алтайский, тувинский, хакасский и якутский языки), монгольских (бурятский язык) и тунгусо-маньчжурских (эвенкийский язык). Позже к исследованию были привлечены и другие языки — самодийские (нганасанский, энецкий, селькупский), обско-угорские (хантыйский — западный диалект, мансийский — северный диалект) и некоторые не сибирские тюркские (казахский, киргизский, уйгурский).

Последовательно проводимый параллелизм наблюдений на первом этапе обеспечивался экспериментальной методикой сбора материала, в основу которой лег единый тщательно отработанный список сложных фраз, представляющий все основные типы сложных предложений. Эти типы выявлялись с опорой на русские грамматики и наполнялись живым материалом, близким носителям изучаемых языков.

Единый язык описания внешней и внутренней стороны изучаемых объектов позволил представить развернутую картину смысловой сторо-

ны сложного предложения в языках Сибири и показать двусторонний характер системообразующих отношений в этой сфере.

В первую очередь были выявлены взаимно противопоставленные крупные структурно-семантические подсистемы конструкций. Это, с одной стороны, предложения “с присловным придаточным”, с другой — предложения с придаточным, “относящимся ко всей главной части в целом”.

Предложения первого типа представлены изъяснительными и определительными (относительными) полипредикативными конструкциями. Их объединяет структурно-семантическая недостаточность главной части, восполняемая придаточной. По многим другим очень существенным характеристикам эти типы взаимно противопоставлены.

Важнейшее различие между ними определяется функцией придаточной части в структуре целого: выступает ли придаточная часть в функции актанта, изъясняющего главный предикат и управляемого им (в этом случае она занимает структурно необходимую позицию, компенсируя отсутствие соответствующего дополнения в составе главной части), — или придаточная часть выполняет функцию определения к одному из именных компонентов предложения-основы, в соответствии с чем ее предикативность “погашается”, она “адъективизируется” и присоединяется к главной части теми же формальными способами, что и простое определение — примыканием и изафетом.

Предложения второго типа, в которых придаточная часть занимает различные обстоятельственные позиции, характеризуются более последовательно выраженной сложностью. Это наглядно проявляется в том, что во внутренней организации обеих частей слабее проявляется их связанность в общей полипредикативной структуре: в главной части все необходимые позиции замещены, зависимая часть строится по схемам простых предложений, а в качестве показателей связи нередко используются те же аналитические скрепы, которые связывают предложения в тексте. Содержательно же отношения между частями таких предложений прозрачнее и проще.

С каждым из этих классов связывается некоторая “общая идея”, которая затем конкретизируется при рассмотрении конкретных типов и видов конструкций, составляющих каждый класс.

Сведение воедино и последующее сопоставление результатов, полученных на материале разных языков, показало глубокое, последова-

тельное единство строя сложного предложения во всех алтайских языках Сибири, а также и в тюркских языках примыкающих регионов. Одновременно выявились и фундаментальные черты, характеризующие “общеалтайский” строй сложного предложения — всех подсистем этой системы — и противопоставляющие ее соответствующей русской системе (с ее подсистемами).

Важнейший принцип, лежащий в основе строя алтайского сложного предложения, составляет открытая Е.И. Убрятовой на материале якутского языка “система предикативного склонения причастий” [Убрятова, 1976]. Как показали наши исследования, она оказалась ведущим синтаксическим механизмом не только для тюркского полипредикативного предложения, но и для синтаксических форм сложного (полипредикативного) предложения всех алтайских языков — тюркских, монгольский и тунгусо-маньчжурских.

Суть предикативного склонения причастий состоит в том, что тюркское (шире — алтайское) причастие, обычно материально тождественное спрягаемым собственно-глагольным формам 3-го лица (с нулевым личным показателем), выступая в позиции сказуемого зависимой части, принимает аффиксы падежей, которые следуют за притяжательными показателями, указывающими на субъект зависимого события. Таким образом, они выполняют одновременно и “внутреннюю” функцию показателей сказуемого зависимой части — и “внешнюю” функцию средства связи частей и показателя подчинения, зависимости придаточной части от главной.

С предикативным склонением причастий теснейшим образом связано использование в системе зависимой предикации лично-притяжательных аффиксов не в посессивной, а в предикативной функции, а также целый ряд других очень важных особенностей алтайского полипредикативного синтаксиса. Одной из таких особенностей является существенно иное, чем в русском языке, “пролегание границы” между простым предложением, осложненным и сложным (полипредикативным и собственно сложным).

Из накопленных наблюдений становилось все более очевидным, что сложное и осложненное предложение противопоставляются друг другу, отграничиваются друг от друга не на основании строго фиксированного комплекса взаимосвязанных признаков, но на основании разных наборов признаков, вовсе не обязательно связанных друг с другом.

Это неизбежно ведет к “вибрированию” границ между традиционными классами, свидетельствуя об условности этих границ. В сущности, само представление об этой границе оказывается мнимым, или точнее — существенным не для языка-объекта, где этих границ нет, а только для традиционной системы описания языка.

Осознание этой ситуации привело нас к поиску той минимальной структуры класса “предложение”, которая могла бы лечь в основу единообразного описания всей системы предложений, всех ее “рангов”. Такую единицу мы называем элементарным простым предложением — ЭПП¹.

Эмпирическое исследование ЭПП проводится на материале четырех тюркских языков — алтайского, тувинского, хакасского и шорского, двух обско-угорских (мансийского и хантыйского) и группы чукотско-корякских языков-диалектов. На тюркском материале в нашем коллективе работают М.И. Черемисина, И.А. Невская, Н.Н. Широбокова, Л.А. Шамина и др.; в области обско-угорских языков на материале мансийского сейчас работают Е.К. Скрибник и Г.Т. Якушко; на предыдущем этапе первичное исследование хантыйских простых предложений было выполнено В.Н. Соловар. Языки чукотско-корякской семьи — корякский с его различными диалектами и чукотский — исследуются А.А. Мальцевой. Таким образом, в исследовании представлены три группы языков, различных как генетически, так и типологически.

В качестве основного метода исследования, позволяющего решать поставленную задачу, был избран метод моделирования, который в применении к новым объектам потребовал существенной доработки. Эта методика предполагает четкие определения основных понятий, и прежде всего понятий “модель предложения” и, соответственно, ее объекта — ЭПП как факта языка, как области определения модели.

Представление об объекте моделирования — простом предложении — было существенно уточнено и ограничено. Выбрав в качестве такого объекта элементарное простое предложение, мы ограничили формальную структуру объекта лишь теми компонентами, которые необходимы для выражения отношений, задаваемых данным предикатом в соотно-

---

¹ В это понятие вносится небольшая коррекция по сравнению с тем, как оно дано в [Черемисина, Колосова, 1987]: снято требование семантической непроезводимости лексических компонентов ЭПП.

шении с фиксированным набором актантов, раскрывающих семантику предиката, — или, иначе, тех, без которых предложение остается непонятным вне контекста или ситуации либо же понимается искаженно.

Естественным следствием этого явилось внимание к типологии предикатов, к тем их признакам, которые позволяют разным предикатам выступать в качестве вершины в одной модели, определяя ее как знаковую единицу языка и задавая связанный с нею, фиксированный в ней обобщенный синтаксический смысл.

ЭПП понимается как минимальная знаковая, т.е. двусторонняя, единица уровня предложений, имеющая план выражения и план содержания. Их единство и должна отображать модель. Это “эмическая сущность”, однопорядковая с фонемой, морфемой, лексемой, или иначе — тот “образец”, ориентируясь на который говорящие строят бесконечно разнообразные фразы.

Как единица уровня предложения, каждая отдельная модель ЭПП (за которой стоит ее объект — сущность самого языка-объекта), принадлежит множеству сущностей того же ранга, отображаемых другими конструируемыми нами моделями ЭПП, противопоставляясь им в плане выражения и содержания.

Количество таких образцов-инвариантов, которые подлежат выявлению в процессе исследования, согласно нашим ожиданиям, не должно быть большим. Вероятно, оно составит несколько десятков, возможно, порядка сотни.

Объем ЭПП как объекта исследования, его “размерность” мы ограничиваем предикатом и его актантами, представляющими необходимых участников ситуации.

Термин актант мы употребляем в двух смыслах, широком и узком. В широком смысле он объединяет все функции и формы, составляющие необходимое и достаточное окружение предиката, — не только глагольного, но и именного. В узком (традиционном) смысле он подразумевает лишь обязательных предметных участников ситуации (пропозиции); предметные “собственно-актанты” противопоставляются непредметным, но обязательным компонентам, в частности актантам-локализаторам.

Термин актант-локализатор предполагает обязательные компоненты предложений, формируемых предикатами пространственной семантики. Локализаторы раскрывают содержание предикатов с пространственной семантикой местонахождения или движения / перемеще-

ния (транслокации) субъекта или объекта точно так же, как предметные актанты раскрывают содержание “событийных” предикатов и предикатов, выражающих отношения. Кроме пространственных локализаторов, возможно, существуют и некоторые другие обязательные актанты обстоятельственного типа (ср., например: *Завтра будет юбилей Победы*). В предложениях с неглагольными предикатами в роли актантов возможны и такие формы, которые традиционно оцениваются как определения. Но этот вопрос нами пока не исследован.

План выражения моделей мы представляем символами предиката и его необходимого окружения. В основу символики положены латинские буквенные символы классов слов, которые дополняются дескрипторами падежей и некоторыми другими символами и дескрипторами, а также определенными формальными элементами в обычной записи. Список терминов в ближайшее время должен быть унифицирован таким образом, чтобы модели ЭПП всех исследуемых языков, т.е. прежде всего их структурные формулы и их семантические интерпретации, могли записываться и читаться единообразно. Но пока этот уровень еще не достигнут. В частности, для обозначения падежей, системы которых в тюркских, обско-угорских и чукотско-камчатских языках очень различны, пока, временно, используются традиционные для каждой группы порядковые номера, — но даже в разных тюркских языках последние “номера”, 7 и 8, по-разному распределяются между “молодыми” падежами (творительным, направительным, делиберативным). Поэтому даже здесь необходима конвенция, а тем более применительно к разным исследуемым языкам.

ЭПП может функционировать в речи как самостоятельная единица, фрагмент текста, но может содержаться и как часть в составе предложений большей размерности — простых элементарных, осложненных и сложных. К эмпирическому анализу могут привлекаться как “чистые” ЭПП, непосредственно взятые из текстов (но таких очень мало), так и ЭПП, выделяемые из более сложно построенных фраз. Мы исходим из того, что процессы распространения элементарных единиц, равно как и сжатия поверхностных структур за счет окказиональной элиминации структурно необходимых элементов (например, в диалогах), а также и закономерные перестройки (трансформации) свободного предложения, которые детерминируются его включением в состав более крупного целого, подчиняются определенным закономерностям. Носители языков

интуитивно знают эти закономерности, и это позволяет им приводить любое предложение или любую предикативную часть предложения к нормальному виду ЭПП. В ходе эмпирической работы эти закономерности должны осознаваться исследователем и фиксироваться в форме “правил реконструкции объекта”. На следующих этапах работы эти правила должны будут стать относительно самостоятельным объектом исследования и описания.

Важной частью концепции, лежащей в основе исследования, является представление о предложении, освобожденном от таких характеристик как “простое” или “сложное”, или точнее — меняющем эти характеристики в зависимости от вхождения в него или исключения из него тех или иных компонентов. Описание предложения под этим углом зрения предполагает выявление и фиксацию иерархических отношений между компонентами предложений всех уровней сложности — от сирконстантов, под которыми подразумеваются факультативные дополнения, обстоятельства, до предикативных частей сложного предложения, занимающих позиции как актантов, так и сирконстантов и атрибутов.

Эти “ранги” на шкале “простоты-сложности” предложений на данном этапе работы в общих чертах представляются мне следующим образом.

1. Структура ЭПП ограничена только предикатом и актантами (включая локализаторы). Но признание статуса актантов за некоторыми типами форм требует операциональной проверки и подтверждения. От результатов такой проверки зависит количество моделей, признаваемых отдельными языковыми единицами — ЭПП.

Неэлементарность предложения выявляется путем реконструкции предложения, в котором “сомнительный компонент” был бы обязательным компонентом. Например, в алтайском предложении *Бу менин јјстүгим* ‘Это мое кольцо’ слово *менин* — притяжательное определение, встроенное в базовую структуру *Бу јјстүк* ‘Это кольцо’. Его природа как “снятого предиката” выявляется в результате реконструкции того предложения, которое преобразовано в атрибут: *Бу јјстүк менин* ‘Это кольцо мое’, где *менин* — сказуемое.

В предложениях же типа алт. *Учар менин нёкёрим / Нёкёш Учардын бштүзи* ‘Учар мой друг / Нокош враг Учара’ формы родительного падежа *менин*, *Учардын*, традиционно тоже оцениваемые как определе-

ния, в нашей концепции осмыслиются как актанты, потому что сказуемое здесь — имена отношений: *нөкөр* 'друг', *өштү* 'враг', а имена отношений в роли предикатов реализуют свой смысл только в окружении двух имен, называющих объекты, связанные данным отношением. Второй участник отношения закономерно предстает в форме родительного падежа. Само имя отношения не может быть употреблено вне связи с объектами, которые оно соотносит, — оно лишается своего значения, перестает быть именем отношения (ср. *Я встретил вчера Ивана Петровича, твоего друга* — Твой друг Иван Петрович передал мне эту записку, где друг выступает как имя отношения, но сопровождает личное имя, уточняя представление о данном лице).

2. Структура неэлементарного простого предложения включает в себя кроме актантных позиций позиции сирконстантов объектного и обстоятельственного типа. Общим их признаком является факультативность. Вхождение факультативных компонентов делает предложение неэлементарным, оставляя его простым.

Объектный сирконстант представляет собой падежную форму непространственной семантики, не управляемую или слабо управляемую предикатом, формально сочетающуюся с предикатом, но не отвечающую его обязательной валентности. Поэтому он не имеет своего грамматического места в структуре ЭПП. Например, творительный падеж в своем совместном варианте отвечает обязательной валентности ряда семантических типов глаголов, в частности, глаголов взаимодействия (*познакомиться, переписываться, драться, целоваться, разговаривать, соглашаться* и др.). Без компонента в форме этого падежа предложения с такими предикатами остаются неполными, непонятными вне контекста. Поэтому компонент в форме творительного падежа здесь должен оцениваться как актант. Например:

Санаамда јаныс ла Судур: оныла туштажып алары болгон (СС,АКС,115) 'В мыслях моих только Судур, то, чтобы с ним встретиться'.

Но при глаголах многих других семантических групп (типа *читать, обедать, ходить, стирать, неть*) форма творительного падежа выступает в обстоятельственных функциях, и этот компонент факультативен; *Түнше базарга јүрегим коркып турган* (СС,АКС,115) 'Ночью

идти сердце мое боялось'; *Стройло ажаньт барарын, стройло ишке барарын* (АА,УБТ,5) 'Строем идешь есть, строем идешь на работу'.

Статус традиционных обстоятельств места также определяется типом предиката, формирующего предложение. При предикатах, выражающих пространственные отношения, — движение и местонахождение, — это не обстоятельства, а актанты-локализаторы. При непространственных предикатах это обстоятельственные сирконстанты, в которые преобразуются локализаторы "экс-предложений", инкорпорированных в структуру предложения, "поглотившего" пространственную конструкцию. Ср. рус.: *Мы пили чай в саду под старой липой* < *Мы пили чай* + *Мы сидели в саду под старой липой*. Промежуточный этап — *Мы пили чай, сидя в саду под старой липой*. Для тюркских языков характерно сохранение глаголов в деепричастной форме и не типичны предложения с сохранением только падежной формы локализатора-сирконстанта.

Статус временных и каузальных обстоятельств заслуживает специального рассмотрения. ЭПП времени нами пока не исследовались и модели их не проработаны (ср. *Урок длился два часа; Сейчас второй час ночи; Уже полночь; Скоро зима; Завтра будет поздно; Через год тебе будет восемнадцать*). Но в составе большинства предложений компонент темпоральной семантики — обстоятельственный сирконстант. Например: *Вчера они поссорились, завтра помирятся; Подъезд убирают по утрам в среду и субботу; По утрам в квартире бывает шумно; Мы же вчера обо всем договорились*.

Каузальные обстоятельства (причинные, уступительные, целевые и ряд других, для которых нет специальных устоявшихся терминов) по природе своей событийны. Поэтому их вхождение делает предложение содержательно сложным — полипропозитивным. Полипропозитивность, если она не сопровождается полипредикативностью, необходимо связана с преобразованиями типа деактуализации предикативного центра второго предложения, для чего есть широкий спектр возможностей. Если же в предложении, вобравшем в себя, "поглотившем" другое предложение, следов предиката не остается, — например, в таких как *Я не пошел туда из-за тебя; Она стала работать в школе ради дочери; Она купила эту шубу несмотря на мои протесты*, где представлен лишь каузальный сирконстант, это предложение должно оцениваться как формально простое, хотя и полипропозитивное.

Определения традиционно приравниваются к дополнению и обстоятельству на правах “второстепенных членов предложения”. Но сейчас уже ясно, что их статус существенно иной. Любое определение представляет собой свернутый предикат, остающийся на поверхности итог невысказанного суждения о принадлежности данного признака, атрибута, данному носителю признака. Субъектом этого снятого предиката является определяемое имя. Поэтому любое предложение, содержащее определения, является полипропозитивным. Но этот элемент выражен относительно слабо, поэтому грамматическая традиция признает такие предложения простыми (распространенными определениями).

3. Следующие шаги уже отражают результаты такого инкорпорирования или “поглощения” элементарным предложением другого элементарного предложения, которое не просто оставляет после себя те или иные свои компоненты, становящиеся факультативными компонентами (сирконстантами) принявшего их предложения, но порождает структуры, в которых сохраняется свернутая, погашенная предикативность.

Как полипредикативные мы оцениваем такие предложения, в составе которых в трансформированном виде представлен второй предикативный узел — со своими актантами или без них. Типы трансформаций различны — предикат может принять причастную, деепричастную, инфинитивную или субстантивную форму, а субъект — разные падежные формы — ср. рус. *Он приехал / приехав, приехавший, (ему) приехать, (его) приезд*. В алтайских языках, где не только причастия, но и некоторые деепричастные формы в роли зависимых сказуемых сохраняют способность принимать личное оформление (посессивного типа), субъект действия, названного причастием, может выражаться не лексически, но только личными показателями (лично-притяжательными аффиксами причастия). Например:

Чичке кара ат эмди ле амыр=ар=ын билди ‘Стройный черный конь только сейчас понял, что будет отдыхать’. Здесь причастие *амыр=ар=ын* ‘будет отдыхать (отдыхающий=он)’ приняло аффикс винительного падежа (по требованию глагола *бил*= ‘знать, понимать’) 3-го лица, по координации с субъектом *ат* ‘конь’.

Ср. также: *Суу јердин алдындагы терег кыптарыла тудуш болгон=ын=a уредучи эмди алазыбайт* ‘Учитель теперь не сомневается, что вода была связана с глубокими подземными пластами’. Здесь форма

тудуш болгон=ын=*a* ‘была связана’ содержит показатель 3-го лица =ын= и показатель дательного падежа =*a* (в соответствии с требованием глагола *серендей*= ‘быть уверенным’)

Эти примеры показывают, что полипредикативность конструкций с инфинитивными формами глаголов в алтайских языках проявляет себя более отчетливо, чем в русском.

Основной механизм такого “сжатия” предложения — номинализация предикативной структуры. Номинализованная предикативная конструкция, — трансформ второго, инкорпорированного предложения, — делает принявшее ее предложение полипропозитивным и полипредикативным.

За термином “полипредикативность” мы видим широкий класс, объединяющий в себе сложные и “не вполне сложные” предложения — если последние содержат в себе “свертку”, трансформ второго предикативного узла. Мы различаем несколько типов таких трансформов: это и предикативные единицы с причастным сказуемым, получающим личное оформление с помощью аффиксов притяжательного типа и с подлежащим в именительном падеже, и предложения с деепричастным сказуемым, чаще без личного оформления, с подлежащим в именительном падеже, и с теми же трансформами предикатов и с аналогами подлежащего в родительном падеже, и непредикативные причастные, деепричастные, инфинитивные обороты, и др.

Не задерживаясь сейчас на структурном разнообразии трансформов названных типов, обратим внимание на то, что “нижний уровень” такой свертки представляет собой посессивная конструкция типа *болезнь отца* < *отец болен / заболел / болеет*. Актант, представляющий экс-предикат, может быть дополнением при предикатах (глаголах) переработки информации — восприятия, мышления, знания (накопления и хранения информации), обмена информацией (речи), эмоций и некоторых др. Он может быть и подлежащим при косвенно-залоговых формах некоторых глаголов — знания, кажимости, зрительного и слухового восприятия — *выяснилось, послышалось, показалось, кажется, почудилось, известно* и др., например: *Старик обрадуется приезду дочери с внуками; Мне послышалось шушанье автомобильных шин, а также при неглагольных оценочно-характеризующих предикатах адъективного типа — ясно, понятно, известно; хорошо, плохо; трудно, легко, весело, грустно, страшно и др., или субстантивного типа — правда, ложь; проблема;*

трудная задача и др. Например: *Переезд родителей в город — сложная проблема.*

Специфика актантов этого типа заключается в том, что в номинализациях этого класса “экс-предложения” свертываются семантически и формально не просто до дополнения, но до такой синтаксической формы, которая является отражением предикативного узла. Даже при максимальном свертывании русского типа глагольный предикат трансформируется в отглагольное существительное, а субъект-подлежащее принимает посессивную форму или форму родительного падежа, ср. рус. *Я догадываюсь о твоём огорчении; Я догадываюсь об удивлении экзаменатора.*

В тюркских языках специфической формой выражения отношений посессивного типа является *изафет* — конструкция, типологически очень близкая, родственная предикативному узлу. *Изафет*, в отличие от посессивных сочетаний русского типа, позволяет воспроизвести несколько ослабленную в зависимой позиции двустороннюю связь предиката и субъекта.

Использование *изафетной* конструкции открывает и другую возможность, которой располагают алтайские языки. Она состоит в том, что номинализация предложения, вводимого в зависимую позицию, достигается путем замены финитной формы глагола на причастную, при которой подлежащее принимает форму генитива. Например:

*Бу кўндерде менин канайып јўргенимди сестигер бе? ‘Вы чувствовали, как я жил в эти дни?’; Олордын барып јатканын кем де кўрбўди ‘Никто не видел, как они уходили’; менин ‘меня, мой’ соответствует рус. я, јўрген=им=ди — форма 1 л. вин. п. причастия; менин јўрген=им=ди ‘(то, что) я жил’ — *изафетная* конструкция (в форме 1 л., винительного падежа).*

Но само причастие в алтайских языках гораздо ближе к глаголу, чем русское. Русское причастие В.В. Виноградов не случайно рассматривал в разделе, посвященном прилагательному, а не глаголу [Виноградов, 1972, с. 221 и след.]. По ряду признаков его скорее можно рассматривать как самостоятельную часть речи, хотя традиция заставляет нас видеть в нем форму глагола.

В тюркских же языках причастие — лишь транспозиция глагола, попадающего в позицию “снятого предиката” — предикативной вершины зависимой части. Глагол получает здесь специфическое зависимо-

предикативное оформление с помощью аффиксов лично-притяжательного (посессивного) типа и принимает падежный аффикс, соответствующий его роли актанта в составе зависимой предикативной части. В русском языке такие конструкции невозможны, ср. *Я рад (ты здоров)=у*.

Эти же позиции может занимать и не свернутое предложение, номинализованное вводящим его союзом: *Я догадываюсь (о том), как удивлены были экзаменаторы*. Именно такие предложения типичны для русского языка, но совершенно не характерны для тюркских языков, как и для других алтайских языков.

4. Вводные компоненты, согласно традиции, также осложняют простое предложение (или ту предикативную часть, в которой они локализируются). Это дает некоторое основание рассматривать их в том же ряду, что и сжатые предикативные структуры рассмотренных выше типов. Как убедительно показано в монографии Т.А. Колосовой [1980, с. 35], в русском языке вхождение в предложение вводных компонентов всегда бывает связано с более или менее последовательной компрессией вводного высказывания т.е. с устранением каких-то компонентов "вводимого" предложения из плана выражения принимающего предложения. Это закономерно влечет за собой имплицитность "итогового" предложения. Функция же "вводно-модальных слов" состоит в модально-оценочном комментировании или авторизации тех или иных аспектов основного высказывания. В целом же статус вводных компонентов остается неясным: они одновременно как бы и принадлежат, и не принадлежат содержащему их предложению.

Привлечение к анализу материалов, собранных нами по тюркским языкам Сибири, заставляет несколько иначе взглянуть на это явление. Дело в том, что тюркские языки Южной Сибири, во многом сохраняющие еще "первичный", "естественный" характер своей структуры, почти не знают явления вводности. Вводных слов мало, и в речи они почти всегда координируются со сказуемым. Ту нагрузку, которая в русском ложится на вводные слова, в тюркских языках Сибири берет на себя сказуемое: для этого существуют десятки специальных аналитических форм, позволяющих детально оценивать "отношение высказывания к действительности" и "отношение говорящего к достоверности высказывания". "Вводные слова" типа алт. *айса* 'может быть', *байла* 'возможно,

вероятно, наверное', локализуясь в начале фразы, задают некоторый "модальный настрой", который конкретизируется в завершающей фразе конструкции сказуемого. Подробнее об этом см. статью А.А. Озоновой в этом сборнике.

Поэтому применительно к тюркским (шире — алтайским) языкам мне кажется разумным рассматривать вводные компоненты высказывания как тяготеющие к сказуемому, распространяющие его, а возможно, и входящие в его состав. Поэтому они не влияют на место содержащего их предложения на шкале "простота — сложность". Думаю, что это представление может оказаться не бесполезным и для русистики.

Таким образом, элементарное простое предложение предстает, с одной стороны, как минимальная форма предложения, а с другой — как своего рода матрица, в которую по соответствующим формальным законам и нормам, своим для каждого языка, могут "вписываться" все распространяющие, усложняющие и упрощающие его компоненты. Оно противостоит другим видам и типам предложений не только как более простое — более сложному, но как первичное — производному, как база всего остального. В любом предложении заключено базовое ЭПП, которое всегда можно "извлечь" из его окружения, одновременно реконструируя и другие поглощенные им "экс-предложения".

В то же время исследование именно ЭПП есть относительно самостоятельная задача, которая осознается нами как первый этап исследования в целом.

Исследование ЭПП нашим коллективом разветвляются параллельно в нескольких направлениях. Главные из них это, во-первых, выявление, описание и систематизация моделей ЭПП на материале разных языков Сибири. Во-вторых — исследование парадигмы простого предложения, которую мы понимаем иначе и шире, чем парадигму глагола.

В первом направлении за последние годы, с конца 80-х гг., система моделей ЭПП активно разрабатывалась — сначала на материале хантыйского и тюркских языков, — алтайского и уйгурского (и русского — как языка описания), затем на материале других тюркских; несколько позже были вовлечены в исследование мансийский и чукотско-корякские языки.

Общее представление о системе моделей постулируется исходно и затем разрабатывается, уточняется и корректируется на материале конкретных языков: вычленяются конкретные подсистемы, в рамках кото-

рых исследуются отдельные модели, — их семантика, формальное и содержательное варьирование и системные отношения между ними. В итоге уточняются списки моделей, “рабочее представление” о системе ЭПП каждого языка и становится возможным сопоставление систем и их фрагментов по данным разных, типологически противопоставленных языков.

В настоящее время уже опубликованы результаты ряда конкретных исследований ЭПП в языках Сибири и прилегающих регионов. На материале хантыйского языка описание моделей ЭПП выполнено В.Н. Соловар [1989, 1990], осложненное хантыйское предложение описано Н.Б. Кошкаревой [1989, 1991]. Модели ЭПП алтайского языка в общем плане рассмотрены в монографии А.Т. Тыбыковой [1991]; система моделей ЭПП уйгурского языка описана С.Н. Абдуллаевым [1992]. Диссертационное исследование В.М. Теляковой посвящено моделям ЭПП шорского языка [1994], работа Н.Ч. Серээдар выполнена на материале тувинского языка [1995]. Модели ЭПП пространственной семантики в языках Южной Сибири глубоко осмыслены теоретически и описаны на материале шорского языка в докторской диссертации И.А. Невской (основной базой ее исследования были модели ЭПП шорского языка, формируемые глаголами движения [1997]). Модели наличия, локализации, количества и отсутствия на материале трех языков — алтайского, тувинского и хакасского, — описаны Н.Ч. Серээдар, Е.К. Скрибник и М.И. Черемисиной в учебном пособии для студентов и аспирантов-тюркологов [1996]. Модели, формируемые глаголами речи, на хакасском материале рассмотрены в диссертации М.Д. Чертыковой [1996], модели, формируемые глаголами движения в хакасском языке, исследуются в диссертации А.Н. Чугуновой (см. статью в этом сборнике). Исследование именных моделей мансийского предложения выполнено Е.К. Скрибник [1990, 1996], глагольным посвящена работа Г.Т. Якушко (см. статью в этом сборнике). На материале языков чукотско-корякской группы работу в этом направлении начала и ведет А.А. Мальцева [1994].

Исследования, уже проведенные к настоящему времени, позволяют уточнить исходные представления о подсистемах, выделяемых в каждом привлекаемом к исследованию языке, выявить характерные признаки подсистем, уточнить характер, специфику пропозиций, выражаемых мо-

делями, составляющими ту или иную подсистему, и наметить круг проблем, требующих дальнейшего исследования.

Если в начале исследования мы исходили из априорного списка структурных формул с различными комбинациями актантов, то сейчас мы представляем себе эти системы применительно к языкам разных типов как состоящие из достаточно четко выделяемых подсистем со своими формальными и содержательными характеристиками.

В настоящее время в результате исследований выявлены основные модели ЭПП в восьми языках Сибири (в сопоставлении с русским как языком описания) и осмыслены общие принципы системной организации моделей в исследуемых языках. Системообразующими оказались следующие признаки:

1) Двусоставность : односоставность. В содержательном плане за этими характеристиками просматривается противопоставление процессов (действий в широком понимании термина) неконтролируемым статическим состояниям. Моделей, соответствующих рус. *Меня знобит*, в исследуемых языках нет. Подсистема односоставных моделей ЭПП по сравнению с русской минимизирована (5-6 моделей).

Традиционно выделяемые в качестве односоставных предложений неопределенно-личные и обобщенно-личные мы рассматриваем не как самостоятельные модели, а как грамматические варианты, занимающие определенные места в личной парадигме предложения, наряду с "вежливой формой" и формой так называемого "1-го лица двойственного числа" (эксклюзив: *мы с тобой*).

2) Глагольный : именной характер сказуемого. С этими характеристиками связано противопоставление процессов, "процессуальных пропозиций" (включая транслокацию) пропозициям с общей семантикой отношений, из которых простейшими являются квалификативные и качественно-оценочные. Глагольная подсистема в целом отличается от именной целым рядом характерных признаков. В именной подсистеме богаче представлена синонимия моделей, полифункциональность структурных схем, шире, богаче вариативность моделей.

3) Непространственность : пространственность. Общим признаком пространственного характера модели является обязательное наличие в ней, кроме предметных актантов, всегда выраженных существительными, специфических актантов-локализаторов, которые выражаются пространственными падежами существительных и местоимений, сочета-

ниями существительных с послелогоми (в русском и других европейских — предлогами) и с так называемыми служебными именами, уточняющими топологию ориентира, а также и пространственными наречиями, указывающими направление движения или характеризующими пространство местонахождения объекта.

Подсистема тюркских пространственных моделей базируется на глубокой проработке пространственных представлений в языковой картине мира и на четко развернутой системе средств их выражения. Ядро этой системы составляют, безусловно, пространственные падежи. Значения падежей воспроизводятся и существенно уточняются служебными именами, — они представлены сериями, члены которых объединены значением основы и противопоставлены падежными аффиксами, выступающими здесь в качестве словообразующих. Основная функция служебных имен состоит в том, что они позволяют выразить топологию ориентира движения, то есть в своей совокупности они как бы обрисовывают его формы, грани, поверхности (перед, бок, задняя сторона, верх, низ, середина, внутренний объем), контактное и неконтактное соотношение объекта и ориентира (ср. рус. *лампа на столе* или *над столом*), а также выражают локализацию между двумя или многими ориентирами. Поскольку же каждая основа служебного имени выступает в формах всех пространственных падежей каждого языка, эти имена передают также конкретные ситуативные значения направления движения или местонахождения (где, куда, откуда, через что, каким путем).

Пространственные послелоги по сравнению со служебными именами развиты гораздо слабее. Пространственные наречия в основном местоименны и часто тоже содержат в себе аффиксы пространственных падежей. Их специфическая функция состоит в выражении ориентации движения / местонахождения объекта относительно субъекта наблюдения — ср. рус. *здесь — там, сюда — отсюда* [Невская, 1997].

Пространственные модели ЭПП широко используются для выражения несобственно пространственных отношений (см. статьи И.А. Невской в этом сборнике).

Непространственные модели ЭПП формируются глаголами с “предметным” актантным окружением, пространственные — глаголами движения и предикатами местонахождения (глагольными и именными, — оппозиция между ними нейтрализуется).

4) Специального внимания требует функционирование в моделях переходных / непереходных глаголов, как первичных, так и разных залоговых производных. Значимость залоговых характеристик сказуемых уже обозначилась достаточно четко, но целенаправленное исследование в этом направлении планируется на 1998–2000 гг.

Основным объектом исследования были четыре тюркских языка Южной Сибири. На тюркском материале по этой проблеме защищено несколько докторских диссертации, защищено и подготовлено к защите несколько кандидатских, работают аспиранты и студенты — носители изучаемых языков. Результаты выполненных уже работ (в частности, публикуемых в этом сборнике) позволяют сказать, что системы моделей ЭПП в 4-х тюркских языках Южной Сибири (алтайский, тувинский, хакасский, шорский) в принципе идентичны. Расхождения между этими языками касаются частных деталей. Так, например, не вполне совпадают падежные системы и функции отдельных падежей. “Молодые” падежи, творительный и направительные, формируются за счет послелогов.

Эти процессы в разных языках находятся сейчас на разных ступенях развития. В тувинском языке творительного падежа в парадигме нет, его значения передаются послелогом *биле*. В алтайском творительный сформировался за последние полстолетия, — Н.П. Дыренкова описывала его показатель еще как “аффикс-послелог *ла*”, развившийся из *биле* [1941]; этот же послелог лег в основу показателей творительного падежа в шорском, где он звучит как *=ба*, и в хакасском, где он принял форму *=нан*, что повлекло за собой в ряде случаев неразличение его с исходным.

Направительных падежей в тувинском два, один из них (*=дыва / =дыве*) диалектно ограничен, другой (*=че / же*) общеупотребителен. В других языках направительные падежи формируются за счет послелогов. В хакасском уже признан падеж на *=сар*. В шорском аналогичная форма (на *=сара*) как падеж еще находится в стадии формирования. В алтайском начинает формироваться направительный падеж на базе функционально соответствующего послелога *=дöйн*. Кроме того, все эти языки располагают “формой” на *=ча*, которая многозначна, а возможно и омонимична, в качестве падежной не признана, но в системе противопоставит и творительному пространственному, и направительному, и опо-

средованно дательному. Отношения между этими формами заслуживают специального внимания исследователей каждого языка.

Следует отметить также специфическую для тувинского языка связь между местным падежом и дательным, которые характеризуются дополнительной дистрибуцией относительно грамматического времени: в предложениях, сказуемое которых имеет форму настоящего времени, локализатор принимает форму местного падежа, а в предложениях, сказуемое которых выступает в форме будущего или прошедшего, — форму дательного падежа: *Авам бажынында* 'Мама дома'; *Авам бажынынга* 'Мама была / будет дома'.

По-видимому, все косвенные падежи в южно-сибирских тюркских языках следует признать моделиобразующими. Все косвенные падежи участвуют в пространственных моделях ЭПП. Направительный "соперничает" с дательным, который тоже выражает направленность движения. Но в хакасском основном падежом адлокации ("куда") уже стал направительный. Близкая ситуация и в шорском. В алтайском, поскольку употребление $=d\ddot{o}n$ как аффикса еще не стало нормой, основным выразителем адлокации выступает датив, но в текстах широко используется послелог *jaap*, а в устной речи *d\ddot{o}n*. В тувинском и хакасском направительный успешно соперничает с дательным и как падеж направления движения, возможно, выдвинется на ведущую роль в связи с участием датива в выражении статической локализации. Так что все падежи, хотя и в разной мере, участвуют в формировании моделей ЭПП.

По сравнению с русским в тюркской системе гораздо меньше идиоматизированных моделей, ориентированных на узкий круг предикатов; выше регулярность моделей и, соответственно, должно быть меньше их число. Сфера односоставности здесь заметно ограничена, а подсистема именных моделей существенно модифицирована в силу отсутствия *haveo*-глагола.

Глагольные непространственные модели представлены двумя четко противопоставленными блоками: один из них составляют модели, формируемые переходными глаголами — с двумя и с тремя актантами. Модели с переходными глаголами формируют базовое представление о действии как об операции над объектом (модель $\{N=1\ N=4\ Vtr\}$) и о разных типах действий, дифференцируемых с помощью третьих актантов, в роли которых выступают почти все падежные формы и некоторые

последельные. Особое место в этой подсистеме должны занять модели с каузативными предикатами, выражающими побуждение к действию. Каузативные, так называемые “дважды переходные”, глаголы используются в тюркских языках также в составе моделей, выражающих “страдательное” значение, которые нам еще предстоит исследовать.

Среди моделей, формируемых непереходными глаголами, представлены одноактантные, двухактантные и трехактантные, которых немного. Первым актантом всегда является подлежащее, так как безличных глагольных моделей, по-видимому, в тюркских языках нет. Предложения с одним актантом-подлежащим и с двумя актантами в этой группе представлены широко и разнообразно, трехактантных зафиксировано немного и в текстах такие предложения за исключением одной модели — $N=1\ N=3\ N=4\ V$ — встречаются гораздо реже.

Одноактантной структурной схеме $N=1\ Vtr$ соответствует, по-видимому, более чем одна модель — но пока этот вопрос остается открытым. Исследование одноактантных предложений сейчас ведется, и один из основных вопросов, на которые предстоит дать ответ, заключается в том, как ведут себя в предложениях без других актантов первично непереходные глаголы (без залоговых аффиксов) и вторичные залоговые производные с аффиксами страдательного и возвратного глаголов: в какой мере они противопоставлены друг другу, в какой мере, при каких условиях их различия нейтрализуются и они могут быть отождествлены в качестве предикатов одной модели, и при каких условиях они формируют разные модели.

В двухактантных предложениях, формируемых непереходными глаголами, семантика вторых актантов в большинстве случаев отлична от семантики тех же форм третьих актантов переходных моделей; ср. алг.: *уулчак=ка ат бер* ‘дай мальчику имя’ / *уулчак=ка тарынба* ‘на мальчика не сердись’.

Многозначность косвенных падежей регулярно влечет за собой “псевдоомонимию” многих структурных формул этой группы, которая должна сниматься за счет функциональных и семантических дескрипций. Например, структурной схеме $N=1\ N=7\ Vtr$ в алтайском соответствуют предложения: а) *Сойтошов-ло согужатам бо мен?* (БУ,Т,163) ‘Разве я должен драться с Сойтошевым?’; *Мен Зоя Захаровна деп үй кижси=ле ачынышкам* (БУ,Т,149) ‘Я поссорился с женщиной по имени Зоя Захаровна’; б) *Ол колы=ла јаныт ийди* (СС,АКС,111) ‘Он сделал

знак рукой'; *Търтинчи эмеген кӱстӱри=ле ойноп,...* милиционер=ле сертежерге албаданат (ЛК,АК,265) 'Четвертая немолодая женщина, играя (заигрывая) глазами, пыталась пококетничать с милиционером'; в) *Мени=ле база андый кинчек башталган болгон* (БУ,Т,150) 'Со мной тоже такое несчастье начиналось'; *Бу Рая=ла не болгон болотон*, (АА,УБТ,56) 'С этой Раяей что могло случиться'.

Подсистема именных моделей в заметно отличается от русской в силу отсутствия в тюркских языках haveo-глагола. Для выражения отношений обладания используются словообразовательные аффиксы (=лыг/=лу); отношения необладания передаются аналитически, конструкцией *Н чок/жок*. Эти конструкции ориентированы относительно субъекта обладания: *Акам бӱрӱк=тӱ* 'Брат=мой в шапке (шапку=имеет)'. Другая широко используемая конструкция, представляющая отношения обладания с ориентацией на объект, — посессивная изафетная конструкция: *Менин бӱрӱг-им* 'Моя шапка'. В ряде моделей характерные компоненты этих конструкций выступают в качестве компонентов именных моделей предложения, актантов и предикатов. Например: *Бу бӱрӱк менин* 'Эта шапка моя'; *Энем эки бала=лу болгон* 'У моей матери было двое детей (она двух детей имеющая была)'.

Исконный *esse*-глагол *э=* в тюркских языках Сибири не сохранился. Принявший эту роль глагол становления *бол=* функционирует как связка в составе именного сказуемого и как компонент глагольных конструкций, в составе которых он сдвинут в сферу модальности. Отсутствие "глагола бытия" компенсируется специфическими именными "предикатами наличия и отсутствия" *бар/нар* и *чок/жок*, которые используются очень широко, выражая очень разнообразные значения. На базе значения наличия развиваются пространственные значения местонахождения (*Мында Х бар* 'Здесь есть Х'), обладания (*Менде Х бар/жок* 'У меня есть Х') и далее многие более сложные абстрактные значения [Серээдар, Скрибник, Черемисина, 1996].

Подсистема непространственных предложений с именным сказуемым представлена двумя основными, минимальными структурными схемами, по которым строится основная масса фраз, и множеством более распространенных, развернутых моделей, выражающих разнообразные типы частных отношений между двумя и более актантами.

Минимальные структурные схемы — это "квалификационная" с предикативом-существительным и "характеристическая" с предикати-

вом-прилагательным. Субстантивная структурная схема в зависимости от характера семантики предикатива передает довольно широкую гамму различных отношений, адъективная же имеет, в сущности, одно общее значение качественно-оценочной характеристики, и представляющие ее фразы различаются лишь силой, "удельным весом" каждого из этих компонентов смысла.

Оппозиция эта имеет градуальный характер: между "полосами" располагаются промежуточные формы, которые я представляю структурными схемами N1 [aN1 (cop)] и N1 [An1 (cop)]. Эти схемы иллюстрируют постепенность перехода между основными формами. Сравним: (1) *Он ученый, академик*; (2) *Он крупный ученый*; (3) *Он человек ученый*; (4) *Он (теперь) ученый, (его не проведешь)*. Вопрос о том, сколько моделей соответствует этим схемам, пока остается открытым

Эти модели составляют центр именной подсистемы, которая имеет богатую и разветвленную периферию. Предикатив-существительное может выступать в разных падежных формах, в разных афигированных формах и в сочетании с разными послелогом. В этих случаях отношение, передаваемое данной моделью, выражается грамматическими формантами (например: *Ол беш ат=ту* 'Он имеет пять лошадей'; *Ол бис=тинг үредүчи=зе түйней* 'Он похож на нашего учителя, подобен учителю').

Подсистема моделей с предикативом-прилагательным, которое грамматически не варьирует, предполагает как минимум две субстантивные формы; адъективный предикатив в сочетании с падежной формой второго существительного приобретает значение "имени отношения", связывающего предметных участников (например: *Эрлик эмди сенен күйтү* 'Эрлик теперь сильнее тебя').

Отношение может быть выражено и существительным, которое в роли предикатива выступает в форме неопределенного падежа и предполагает двух участников (например: *Нөкөш Учар=дын нөкөрү* 'Нөкөш друж Учара'; *Кипий Тадай=за таай* 'Кипий Тада=ю дядя по матери').

Всего моделей этого типа выявляется сейчас немного более сорока.

Тюркская система организации простого предложения может служить своего рода эталоном описания для всех сибирских языков как языков агглютинативного строя. Хотя специальные исследования других алтайских языков, в частности, бурятского и эвенкийского, с которыми мы работали раньше, сейчас специально не проводились, у нас есть вес-

кие основания предполагать глубоко идущий параллелизм тюркской системы с бурятской (монгольской) системой моделей и существенную близость ее с эвенкийской и другими тунгусо-маньчжурскими.

Системы моделей ЭПП обско-угорских языков, хантыйского и мансийского, в ряде отношений существенно отличаются как от русского, так и от тюркских. Выявлена серьезная их специфика, связанная с морфологизацией выражения актуального членения предложения. Этим определяется своеобразие грамматических категорий глагола, в частности, специфика конструкций залогового типа и оппозиция субъектного и объектного типов спряжения.

В силу наличия в языках этих специфических категорий каждая структурная модель предложения помимо выражения собственно обобщенной пропозиции характеризуется также определенным "прагматическим контуром", т.е. задает определенное распределение акцентов между актантами, фиксируя их прагматический удельный вес, значимость для говорящего.

Через призму прагматической установки синтаксиса можно рассматривать также своеобразие обско-угорской падежной системы. Здесь отсутствует винительный падеж существительных — субъектно-объектные отношения выражаются в первую очередь порядком слов, но также с помощью противопоставленных парадигм субъектного и субъектно-объектного спряжения, дифференцирующих не столько отсутствие/наличие объекта, сколько его фокусированность, ср. Мāтāпрись хāпсуп вар=ыс ... хāп=e нāлув нарыгт=ас=тэ (из сказки) 'Мышонок лодочку сделал (субъектное спряжение), лодку=свою (букв.: его) на воду спускает=ее (объектное спряжение)'.

Функции дательного и творительного падежей нестандартны, дательный используется как маркер субъекта в пассивных конструкциях, а маркером объекта выступает творительный: учител=юв=н (дат.п.) нāпак=ыл (твор.п.) май=ве=с=ув 'Учитель дал нам книги (букв.: учитель=наш=дат.п. книгой дать=пасс.=прош.вр.=мы, т.е. мы "оданы", ср. одарены, книгой)'. В мансийском представлен специфический превратительный падеж, оформляющий именное сказуемое при глаголе-связке, чаще всего в прошедшем времени или в модальных формах, т.к. в настоящем времени связка при именном сказуемом, как и в русском, нулевая: ср. Ам ханисьтан хум 'Я учитель'; Ам ханисьтан хум=ыг

(превр.п.) ёмт=ыс ‘Я учителем стал’; тем самым данный падеж имеет некоторую параллель в русском творительном предикативном. В хантыйском одна падежная форма выражает два существенно разных значения — местного и творительного падежей.

Эти особенности категориальной системы обско-угорских языков не могут не отразиться на системе моделей элементарного предложения, которая в настоящее время является объектом исследований Г.Т. Якушко [Якушко, 1997; см. также статью в настоящем сборнике].

В области чукотско-корякских языков исследование простых предложений начато и ведется А.А. Мальцевой. Как известно, эти языки, алторский, корякский и чукотский, характеризуются синтаксической эргативностью. Роль актора маркируется здесь падежной формой, отличной от падежа субъекта и объекта. При этом существенно, что эргатив в этих языках не является морфологически самостоятельным падежом: для разных классов имен в этом качестве используются формы разных косвенных падежей — либо местного, либо инструментального. Применительно к задаче выявления моделей, по которым строятся предложения, отсюда следует целесообразность функционального объединения этих падежей как маркеров актора и функциональное размежевание каждого из них как качественно разных актантов (творительный актора : творительный орудийный, местный актора : местный пространственный).

Богатство падежной парадигмы чукотско-корякских языков повышает возможность падежного варьирования без выхода за рамки одной модели: некоторые падежи не являются “моделеобразующими” (касательный, повествовательно-каузативный падежи). В общей системе есть и такие падежи, которые используются только внутри сложных именных групп и не могут маркировать актантные позиции (сопроводительный, совместный падежи). Отмечается также использование в синтаксических целях словообразовательных средств: с помощью словообразовательных суффиксов имен с пространственными значениями выражаются специфические локативные отношения [Мальцева, 1995, 1996, 1997].

Одним из важных результатов предпринимаемого исследования должны стать закрытые списки моделей ЭПП для каждого языка. В настоящее время мы располагаем списками моделей ЭПП для тюркских и обско-угорских языков, но эти списки лишь условно можно считать закрытыми. Они включают модели, уже выявленные исследователями ка-

ждого данного языка, но, во-первых, могут оставаться еще не попавшие в наше поле зрения редкие модели. Во-вторых, и это более важно, пока еще глубоко не исследовано формально-грамматическое и семантическое варьирование моделей, не выявлены его существенные признаки, закономерности и границы. Поэтому в ряде случаев принятые нами как разграничения моделей, так и объединения вариантов в рамках одной модели остаются в значительной мере условными.

Таким образом, о количестве моделей ЭПП в изучаемых языках можно говорить пока лишь предварительно. Но число выявленных моделей, которые мы считаем основными, составляет несколько десятков. В процессе углубленного анализа материала выявляются ранее незамеченные конструкции предложений, претендующих на статус отдельных моделей и, по-видимому, будут выделены несколько моделей там, где раньше предполагалась одна варьирующая модель. Это дает основание предполагать, что общее число, видимо, будет больше 50, но вряд ли больше 100. Однако пока не выработаны четкие критерии разграничения моделей и вариантов, этот вопрос остается открытым.

Второе направление исследований нашего коллектива, связанное с парадигмой предложения в языках Сибири, то есть прежде всего с варьированием форм сказуемого, требует рассмотрения в отдельной статье, которую мы планируем опубликовать в одном из следующих выпусков сборника "Языки коренных народов Сибири".

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

- АА,УБТ — А.Адаров. Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.
 БУ,Т — Б.Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
 КТ,КJ — К.Төлөсөв. Кадын жаскыда. Горно-Алтайск, 1987.
 ЛК,АК — Л.Кокышев. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
 СС,АКС — С.Суразаков. Алтайым керегинде сөс. Горно-Алтайск, 1985.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев С.Н.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгурском языке. Каракол, 1992.
2. *Ахматов И.Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1983.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. Москва, 1972. С. 221–233.
4. *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941.
5. *Колосова Т.А.* Русские сложные предложения ассиметричной структуры. Воронеж, 1980. С. 350.

6. *Мальцева А.А.* Морфология глагола в алutorском языке: финитные формы (с применением методики порядкового членения). Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.

7. *Невская И.А.* Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Автореф. ... доктора филол. наук. Новосибирск, 1997.

8. *Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири.* Сборник научных трудов. ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1981.

9. *Подчинение в полипредикативных конструкциях.* Сборник научных трудов. Новосибирск: Наука, 1980.

10. *Полипредикативные конструкции и их морфологическая база.* Новосибирск: Наука, 1980.

11. *Предложение в хантыйском языке.* Методические указания к курсу "Общее языкознание". Сост. М.И. Черемисина, В.Н. Соловар. Новосибирск, 1990.

12. *Серээдар Н.Ч.* Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.

13. *Серээдар Н.Ч., Скрибник Е.К., Черемисина М.И.* Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996.

14. *Skribnik, E.* Sentences with Adjectival Predicates in Mansi (Vogul) // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10.-15.8.1995. Pars 4. Sessiones Sectionum. Syntaxis et semantica. Jyväskylä 1996. P. 132-137.

15. *Скрибник Е.К.* Инфинитивные конструкции в мансийском языке (Infinitive constructions in Mansi) // Гуманитарные науки в Сибири. 1995, №4. С. 76-82.

16. *Скрибник Е.К.* К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке: предложения с именным сказуемым // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1990. С. 95-125.

17. *Скрибник Е.К.* Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988.

18. *Скрибник Е.К., Ковган Е.В.* Система причастных определительных конструкций в обско-угорских языках // Языки Сибири: грамматические исследования. Новосибирск: Наука, 1990. С. 84-108.

19. *Соловар В.Н.* Модели простых предложений хантыйского языка с двухместными предикатами // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989.

20. *Структурные и функциональные типы сложных предложений.* ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1982.

21. *Телякова В.М.* Простое предложение в шорском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.
22. *Тыбыкова А.А.* Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск: НГУ, 1991.
23. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Кн. 1–2. Новосибирск, 1976.
24. *Черемисина М.И., Бродская Л.М. и др.* Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984.
25. *Черемисина М.И., Бродская Л.М. и др.* Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986.
26. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.
27. *Черемисина М.И., Кошарева Н.Б.* Сложное и осложненное предложение в хантыйском языке: методические указания и лабораторные работы к курсу "Общее языкознание". Новосибирск: НГУ, 1991.
28. *Черемисина М.И.* Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1979.
29. *Черемисина М.И., Скрибник Е.К.* О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996, №4. С. 46–57.
30. *Черемисина М.И., Соловар В.Н.* Предложение в хантыйском языке: методические указания и лабораторные работы к курсу "общее языкознание". Новосибирск: НГУ, 1990.
31. *Чертыхова М.Д.* Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Новосибирск, 1996.
32. *Якушко Г.Т.* Модели простого предложения с глагольным сказуемым (на материале мансийского языка). Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1997.